

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВЛИЯНИЕ ТЫРНОВСКОЙ ШКОЛЫ НА МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА СИЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕНО

[Рец. на кн.: Петрова В.Д. Язык южнославянского и восточнославянского «плетения словес» (на материале сочинений книжников Тырновской школы и Епифания Премудрого). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – 408 с.]

Д.Г. Демидов

Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, 11605, Тайвань

Аннотация

Автором раскрывается содержание и значение рецензируемой книги для решения вопроса о втором южнославянском влиянии. В ней убедительно доказано, что Тырновская книжная школа, ориентируясь на византийские образцы, разрывает с древнеславянской традицией и не может считаться ведущим фактором в русской Киприановой редакции, продолжающей архаизирующую тенденцию Афонской традиции. Второе южнославянское влияние, по В.Д. Петровой, проявилось не ранее второй половины XV в. Высокий язык Епифания Премудрого ещё не подвергался этому влиянию. Находит своё подтверждение и точка зрения Б.А. Ларина, базирующаяся на графике, орфографии и внешнем оформлении рукописей. Правда, архаизацию второй половины XV в. он считал уже другим процессом. Полнота сопоставительного языкового анализа, что частично представлено в сводной таблице рецензии, требует считать выводы устойчивым научным положением. Стиль В.Д. Петровой можно назвать *староакадемическим* с неспешным, ясным и последовательным изложением системы доказательств.

Ключевые слова: второе южнославянское влияние, митрополит Киприан, Епифаний Премудрый, Тырновская книжная школа, научное положение, Б.А. Ларин

Этап развития той или иной науки только тогда может считаться зрелым, а наука – целиком отделённой от художественного творчества и публицистики, когда она способна вносить существенные поправки в собственные выводы и положения под давлением всё более и более тщательного и полного исследования своего материала, иначе говоря, к ней приложим критерий фальсифицируемости К. Поппера. Перед нами, без сомнения, достойный плод зрелой науки, поскольку он вносит существенные изменения в наши привычные представления о роли Тырновской книжной школы, митрополита Киприана, Епифания Премудрого в становлении русского литературного языка; ещё более уточняет

содержание и ставит обоснованные пределы объёму исторического понятия «второе южнославянское влияние».

В своей книге В.Д. Петрова подробно раскрывает содержание указанного терминологического сочетания, а также касается «плетения словес» и под. Автор сопоставляются Афонская и Тырновская реформы письменности, даётся обзор языка славянских переводов богослужебных и церковных книг XIV – XV вв. По отдельности и в сопоставлении подробнейшим образом анализируется язык книжников Тырновской школы, митрополита Киприана и Епифания Премудрого. В результате делается вывод, что главной причиной книжной sprawy было не перенесение филологических идей Тырновской книжной школы на Русь, а смена церковного устава: «...Введение Иерусалимского устава потребовало приведения богослужебных книг в единообразии по византийским образцам, которые уже соответствовали новому уставу» (ВДП, с. 187). Правленные богослужебные книги приходили с Афона: «...Язык тырновских книжников не мог служить образцом общеславянского книжного языка, оставаясь достоянием среднеболгарской высокой книжности. Общеславянским достоянием становится язык правленных афонских редакций, опирающийся на язык архаических редакций» (ВДП, с. 187). В целом принимается и подтверждается точка зрения Б.А. Ларина на второе южнославянское влияние. Правда, последний накладывает на объём этого понятия более узкие рамки. Ср.: «Со второй половины XV в. начинается другой процесс, который никем отчётливо не выделялся в истории литературного языка, но который надо обособить от “второго южнославянского влияния”. Этот процесс можно назвать реставрацией старокнижных традиций в литературном языке. В основном это реставрация старославянского языка, но в известной мере и древнейшего русского литературного языка домонгольской поры. Процесс реставрации был гораздо глубже, значительнее, имел более существенное значение в истории литературного языка, чем “второе южнославянское влияние”. Никому не придёт в голову объяснять этот процесс какими-то внешними причинами, зарубежными влияниями. Он, несомненно, местный и связан с теоретическим обоснованием московского самодержавия» [1, с. 304].

Тырновская книжная школа отчасти разрывает с древнеславянской традицией, восточнославянская, напротив, продолжает её и архаизирует русский литературный язык. Собственно «второе южнославянское влияние», по В.Д. Петровой, начинается на Руси не ранее второй половины XV в. «Язык Епифания Премудрого, эталон высокого языка московской книжности, оригинален и не связан с южнославянской традицией» (ВДП, с. 189). Это влияние не выходит за пределы графики, орфографии и внешнего оформления рукописей. Отдельного рассмотрения требует московская агиография послеепифаниевского времени. Впрочем, наряду с Евфимием Тырновским, уже в этом рецензируемом нами труде довольно подробно анализируется Григорий Цамблак, так что изучение его деятельности, в частности языковой, не в будущем, а в настоящем.

Пожалуй, нет других таких работ по истории русского литературного языка, в которых бы так полно была учтена научная литература болгарских коллег, но и общая литература вопроса проштудирована В.Д. Петровой досконально.

Специально исследуются характерные особенности языка Тырновской книжной школы. Попробуем кратко представить результаты исследования соответствующего материала в сводной таблице (см. табл. 1).

Отношение к греческому языку Евфимия Тырновского характеризуется следующим образом: «Многие явления, обязанные своим появлением воздействию греческого языка и представленные в афонских переводах/редакциях только как тенденции, не обладающие регулярным характером, в языке тырновских книжников превращаются в обязательные. В переводах тырновской школы синтаксические грецизмы, противоречащие нормам славянского синтаксиса, используются систематически, и этот переводческий принцип превращается в нормативное руководство для книжников Тырновской школы, которые создают язык высокой книжности с ориентацией на греческий язык» (ВДП, с. 122). «Образцами, которым тырновские книжники следуют и в стиле, и в языке, выбираются современные византийские сочинения. Греческие модели воспроизводятся в переводах, создавая основу норм высокого языка Тырновской школы» (ВДП, с. 123). «Язык и стиль тырновского “плетения словес” формируется на основе византийских образцов – текстов, продолжающих античную риторическую традицию» (ВДП, с. 123).

У митрополита Киприана, напротив, происходит последовательный отказ от прямых калек (ВДП, с. 128). Для него характерно сохранение древней славянской традиции; «в организации текста посланий и поучений проявляются принципы, присущие организации текстов деловых документов Московской Руси. Все эти факты показывают, что Киприан хорошо ориентируется в восточнославянской языковой ситуации» (ВДП, с. 146).

Важнейшим выводом и положением, развиваемым в книге В.Д. Петровой, считаем следующее: «Тырновские реформаторы и Киприан почти противоположны в своих принципиальных установках в отношении литературного языка – выбор наиболее грецизированных конструкций как один из ведущих принципов формирования литературного языка в Тырновской школе и отказ от них в концепции Киприана. Киприан вписывается в то направление развития литературного языка, в котором движется язык высокой восточнославянской книжности. Языковая (и – шире – культурная) ситуация в Московской Руси не идентична среднеболгарской: византинизация, определяющая специфику культурной ситуации в эпоху Второго болгарского царства, для восточнославянской культуры конца XIV – XV вв. не актуальна. Киприан учитывает отсутствие этой тенденции и ориентацию московских книжников на славянское книжное наследие в формировании литературного языка. Можно, следовательно, говорить об **обратном явлении – влиянии русской традиции на язык Киприана**¹, что позволило ему приспособить свой язык к языку древнерусской книжности периода так называемого “второго южнославянского влияния”» (ВДП, с. 150). Киприан связан прежде всего с Афоном. Оснований для причисления митрополита к Тырновской школе нет. Называть его «эмигрантом» также нет оснований. Эмиграция южнославянской книжной элиты – мнение, не подтверждённое фактами.

¹ Выделено нами. – Д.Д.

Табл. 1
 Сводная таблица фактов, рассмотренных в книге В.Д. Петровой «Язык южнославянского и восточнославянского “плетения словес” (на материале сочинений книжников Тырновской школы и Елифания Премудрого)»

Конструкция или форма	Чудовский Новый Завет	Евфимий Тырновский	Киприан	Елифант Премудрый	Афонская традиция
Обороты с <i>иже</i> , <i>яже</i> , <i>еже</i>	Данных нет	Очень широко употребляются, точные кальки с греческого языка	Нет субстантивации инфинитива и введения цитаты с помощью <i>еже</i>	Как в Евангелии, чаще в позиции (так же в древнерусском языке). Крайне редка субстантивация инфинитива. Нет <i>еже</i> с предлогом. Ближе к славянскому отношению предложению	Данных нет
(<i>Въ</i> , <i>за</i>) <i>еже</i> + инфинитив	<i>Въ еже</i> – ведущая конструкция, также одиночный инфинитив, <i>да</i> + настоящее время или сослагательное наклонение	Чаще в значении цели, широко употребляется	Данных нет (вероятно, ввиду отсутствия)	Данных нет	Конструкция <i>въ еже</i> редка, обычен одиночный инфинитив
<i>Яко</i> (<i>же</i>) + дат. п. субъекта + инфинитив	Данных нет	Основное средство в значении следствия	Только эта конструкция, наряду с личной формой глагола	Немного и лишь там, где передаётся удивление. Для значения следствия также употребляется личная форма глагола	Данных нет
<i>По еже</i> + инфинитив	Данных нет	Используется, в том числе в Диатакисе	Не используется	Данных нет	Используется
<i>По вьнегда</i> + инфинитив	Встречается в Апостоле	Используется	Не используется	Данных нет	В Диатакисе
<i>Въ еже</i> + инфинитив в значении цели	Является ведущей конструкцией	Встречается как калька	Не встречается	Данных нет	Чаще одиночный инфинитив

Еже + инфинитив	Употребляется, как и одиночный инфинитив, да + настоящее время или сослагательное наклонение	Характерен, иногда целевой инфинитив	Мало, как в старой славянской традиции	Данных нет	Преобладает одиночный инфинитив
Яко (же, да) + инфинитив в значении цели	Данных нет	Встречается часто	Встречается	Данных нет	Данных нет
Бъ + инфинитив безличный	Данных нет	Регулярны	Данных нет	Данных нет	Данных нет
Вин. п. + инфинитив	Данных нет	Регулярны как кальки	Всего несколько примеров	Лишь несколько – в отсылках к Евангелию	Данных нет
Яко да (не)	Данных нет	Широкое употребление, также еже + инфинитив, яко (же) + инфинитив	Чаще с личной формой глагола, с инфинитивом один раз	В значении цели да + личная форма глагола и дабы + именная форма с суффиксом -л-, Яко да в немногих примерах	Данных нет
Причастия	Данных нет	Сохраняются все архаичные формы, много страдательных, также пассивные конструкции с личной формой глагола на -ся. Называние частных оборотов	Конструкции типа <i>Есть зря, бе украшевая</i> . Независимая именная форма вин. п. + причастие	В атрибутивной функции преимущественно местоименные формы. Используются в значении независимого сказуемого, как в древнерусском языке. Много страдательных причастий в позиции сказуемого или определения. С постфиксом -ся редко. Выше, чем у тырновских книжников, доля причастий настоящего времени и местоименных форм	Данных нет

Дательный самостоятельный	Данных нет	Преобладают различные субъекты. При страдательном причастии нет <i>быти</i> , как в греческом языке. Чаще <i>бывши</i> . Играют композиционную роль, разделяя фрагменты	Больше. Субъекты различные. Иногда выступает в качестве независимого предложения, что более характерно для древнерусского языка	Выступает во всех функциях, в том числе как независимое предложение, характерное для древнерусского языка. Не такой частотный, как в Тырновской школе. Ближе к Евангелию. Несколькo случаев нанизывания данного синтаксического оборота	Данных нет
'Видеть, узнать' + вин. п. + причастие	Данных нет	Почти так же часто, как дательный самостоятельный	Почти так же часто, как дательный самостоятельный	Данных нет	Данных нет
Отрицание	Данных нет	Двойного отрицания нет. Это обязательная норма. Вместо род. п. – вин. п., как в греческом языке	Двойное отрицание последовательно. Одиночное – в высших контекстах. Особная масса с род. п.	Много одиночного отрицания. Приблизительно равнозначно двойному отрицанию. При одиночном отрицании логическое удаление на отрицательном местоимении	Двойное отрицание устраняется
Местоимение <i>и</i> – <i>его</i> и др.	Данных нет	В вин. п. обычно <i>его</i> (<i>и</i> как исключение), но во мн. ч. <i>техъ</i> . Разговорных <i>еговъ</i> , <i>тоговъ</i> нет (встречаются у Григория Цамблака)	Как у Евфимия Тырновского	Обычно <i>и</i> . К новой норме не обращается. <i>Еговъ</i> , <i>тоговъ</i> нет	<i>И</i> вытесняется формой <i>его</i>

Перфект	Форма 3 л. без связи используется регулярно, но, не как стремление буквально перевести греческие однословные аорист и перфект, а согласно нормам древнерусского языка	Очень редко, в диалогах, цитатах. Всегда со связкой	Намного чаще. В диалогах, похвальных частях. Форма 3 л. без связки	Значительно уступает аористу и имперфекту. В 1–2 л. со связкой, в 3 л. как со связкой, так и без неё. В значении результативности. Без связки в разных значениях. Влияния среднеболгарского языка нет. Конкуренция с аористом, как в древнерусском языке. С композиционным и символическим значениями. При пересказе	Данных нет
Настоящее историческое	Употребляется систематически, как буквальная передача греческого языка	Единичные примеры, последовательно – в житиях. Распространено у Григория Цамблака	Как сложившийся приём	Всего несколько случаев только в событийном значении	Всего два случая, один из них повторяет древнее чтение
<i>Ради</i>	Только один случай в препозиции. <i>Ради</i> и <i>для</i> одновременно	Перемещается в препозицию из постпозиции. Старая и новая тенденции сосуществуют	Обычно в постпозиции. Один раз в препозиции, когда пишет о себе	Всегда в постпозиции. Есть <i>что ради</i> , как в древнерусском языке	Данных нет
Порядок слов	Данных нет	Искусственный. Непроективность	Не копирует, сохраняет старый славянский порядок слов	Мало дистантных атрибутов. Непроективность не исползует. Резко отличается от Тырновской школы	Данных нет

У Епифания Премудрого происходит архаизация, но не византинизация, что также отдаляет от Тырновской школы. Возвращение к славянской традиции – основная тенденция его языка.

Стиль «плетения словес», который характерен как для южных, так и для восточных славян, в своём воплощении оказывается весьма различным: «Основной для тырновских книжников выступает стратегия изложения, берущая начало в античной риторической традиции; для Епифания ведущей остаётся стратегия изложения, определяющая организацию текста в кирилло-мефодиевских переводах, восходящая к библейской традиции» (ВДП, с. 226).

Рецензируемую книгу можно отнести к *исторической грамматике русского литературного языка* – проблеме, обычно ускользающей от коллег-русистов, разделившихся на лингвистических текстологов (вузовская дисциплина «История русского литературного языка») и типологов-компаративистов («Историческая грамматика»). Звёздный час структурной истории языка, основанной на реконструкциях, прошёл. Мы знаем всё, чего можно добиться сравнительно-историческим методом в понимании младограмматиков. Насущным становится вопрос стилистического, символического, композиционного употребления конкурирующих форм в разных жанрах письменности, что может дать правильные объяснения механизму вытеснения одних форм другими на межкатегориальном уровне. Прагматика, стилистика и идеология («ментальность») вносят свои поправки в объяснения формальной истории языка. Так, в XVI в. – эпоху, следующую за изучаемой, – стало широко употребляться настоящее историческое. Это уже не калька с греческого языка, а замена уходящим аористам. Важную роль в этом процессе сыграли аппозитивные причастия, характеристику употреблений которых можно найти в работе В.Д. Петровой. А затем настоящее историческое вытесняет так называемая эловая форма.

Стиль изложения в данной книге принят неспешный, с повторами, несколько старомодный, не отвечающий новейшему «клиповому» мышлению (отчасти этой настрой нынешних студентов и побудил нас свести излагаемый В.Д. Петровой материал в табл. 1). Тем не менее не всем читателям он мешает воспринимать существо дела, а самое главное, нисколько не колеблет высочайшую, дерзнём написать *абсолютную*, силу доказательных аргументов. Достигнутый исследователем результат смело можно считать научным положением, а во все не одним из возможных мнений или одной из гипотез – «новой», «интересной» и т. п. Как часто за такими комплиментами скрывают нежелание поддержать и принять в научный оборот! Итог штудий побуждает не скрывать его от коллег смежных областей и широкой студенческой массы, ведь всю систему доказательств изучают только узкие специалисты, а результаты исследования настолько важны, что пригодятся широкому кругу филологов, историков, культурологов, богословов. Напротив, прежние решения рассматриваемого вопроса отныне следует считать частными мнениями. Митрополит Киприан не может рассматриваться в рамках Тырновской школы. Второе южнославянское влияние в узком смысле – это внешнее переоформление рукописей в конце XIV – начале XV в., в широком смысле – такое преобразование, которое расширяется символическим обогащением, стилистическим возвышением и общей архаизацией во второй половине XV в.

В заключение заметим, что библиографический список, данный мелким шрифтом, занимает в книге 22 страницы (ВДП, с. 380–402) и содержит весьма полную, если не исчерпывающую, литературу вопроса на разных языках.

Источники

ВДП – *Петрова В.Д.* Язык южнославянского и восточнославянского «плетения словес» (на материале сочинений книжников Тырновской школы и Епифания Премудрого). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – 408 с.

Литература

1. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высш. шк., 1975. – 327 с.

Поступила в редакцию
11.09.17

Демидов Дмитрий Григорьевич, доктор филологических наук, доцент факультета славянских языков

Государственный университет Чжэнчжи
секц. 2 ул. Чжинань, д. 64, окр. Вэньшань, г. Тайбэй, 11605, Тайвань
E-mail: Demidoffs@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1379–1388

The Influence of the Tarnovo School on Metropolitan Cyprian Is Greatly Exaggerated

[Review: Petrova V.D. The Language of South Slavic and East Slavic “Weaving of Words” (in the Writings of the Scribes of the Tarnovo School and Epiphanius the Wise). Cheboksary, Izd. Chuv. Univ., 2014]

D.G. Demidov

National Chengchi University, Taipei, 11605 Taiwan
E-mail: Demidoffs@rambler.ru

Received September 11, 2017

Abstract

The paper briefly outlines the main assessments of the linguistic situation in Moscow Rus, which is associated with the notion of the second South Slavic influence, and proves the high reliability of the conclusions. The reviewed book by V.D. Petrova is free from publicism and artistry. The discourse is emphatically scientific and academic. The Athonite and Tarnovo literary traditions have been compared. The works of Metropolitan Cyprian, Epiphany the Wise have been analyzed. The main reason for developing the new version was the change of the church statute rather than the transfer of the principles of the Tarnovo Literary School to Russia.

Similarly to B.A. Larin, V.D. Petrova considers the initial impetus for the second South Slavic influence to be the external design of manuscripts, but extends the scope of the concept of this influence and the subsequent archaization of the language in the second half of the 15th century. The language

and style of the “weaving of words” of Epiphanius the Wise is not at all related to this process. Separate linguistic facts have been compared according to Chudovsky’s New Testament, Evfimiy Tyrnovsky, Metropolitan Cyprian, Epiphanius the Wise, and the Athonite tradition. Accordingly, they are summarized in the table of the review.

The Tarnovo School is oriented towards Greekization according to Byzantine models. For this purpose, the ancient Slavic tradition is violated. Metropolitan Cyprian, by contrast, departs from the Greek calques and restores the ancient literary tradition of the Eastern Slavs. The tendencies of the development of the Middle Bulgarian and Russian cultures are opposite: the Byzantinization in Bulgaria and the orientation to the Old Slavonic literary heritage in Russia. There is no reason to call Cyprian an emigrant.

The book of V.D. Petrova can be attributed to the field of *the historical grammar of the Russian literary language*, overcoming the conventions of both external textuality, as well as the Neogrammarian School and structural history of forms. The obtained results can well be called a scientific position that far exceeds the level of the hypothesis or private opinion, and, therefore, the book will be useful to philologists, historians, culturologists, theologians, all those for whom the second South Slavic influence and the style of “weaving of words” do not constitute a special subject of research, but indirectly capture the important spheres of their scientific interests.

Keywords: second South Slavic influence, Metropolitan Cyprian, Epiphanius the Wise, Tarnovo Literary School, scientific position, B.A. Larin

References

1. Larin B.A. Lectures on the History of the Russian Literary Language (10th – Middle of the 18th Centuries). Moscow, Vyssh. Shk., 1975. 327 p. (In Russian)

Для цитирования: Демидов Д.Г. Влияние Тырновской школы на митрополита Киприана сильно преувеличено [Рец. на кн.: Петрова В.Д. Язык южнославянского и восточнославянского «плетения словес» (на материале сочинений книжников Тырновской школы и Епифания Премудрого). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1379–1388.

For citation: Demidov D.G. The influence of the Tarnovo School on Metropolitan Cyprian is greatly exaggerated [Review: Petrova V.D. The Language of South Slavic and East Slavic “Weaving of Words” (in the Writings of the Scribes of the Tarnovo School and Epiphanius the Wise)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1379–1388. (In Russian)